

доставляя слово каждой из присутствующих делегаций землячеств, Голубев обращался к некоторым из них на их родном языке... Этот вечер надолго запомнился.

Вскоре, накануне 200-летия Московского университета, Владимир Васильевич ушёл из жизни, успев написать о механиках университета замечательный очерк. Студенты А. А. Дерibas и В. Н. Кузнецов, ныне известные механики, выразили общую скорбь словами:

В юбилейном вихре небывалом
Ощутишь вдруг в сердце пустоту...
Голубев... чье имя означало —
Блеск, гармонию и красоту»¹³.

От редакции

Автору этой статьи, известному историку науки доценту механико-математического факультета Ирине Александровне Тюлиной исполняется 80 лет. Ирина Александровна широко известна своими книгами и многочисленными статьями по истории механики, прежде всего — истории механики в России и в СССР. Она постоянный автор нашего журнала на протяжении всей истории его существования. Всю свою жизнь (за исключением тяжелых лет войны, когда она с оружием в руках защищала Родину) она была связана с механико-математическим факультетом, где многие годы читает курс истории механики. Мы поздравляем Ирину Александровну со славным юбилеем и желаем ей доброго здоровья и дальнейших творческих успехов.

¹³ Тюлин Г. А., Тюлина И. А. Воспоминания // Голубев Владимир Васильевич / Ред. С. М. Белоцерковский... М. С. 77.

И. И. МОЧАЛОВ

...В СОРОК ВТОРОМ

(К 140-летию со дня рождения В. И. Вернадского)

Жизнь дается один раз человеку, и в этом смысле дорога и интересна всякая жизнь. Индивидуальность есть как бы окно, через которое зрится поток жизни, и личная судьба есть рамка, в которой она оформляется, дробится, конкретизируется. То важное, дивное и страшное, чему суждено было стать свидетелями и участниками людям нашего поколения, каждым испытано и пережито по-своему. И в этом – оправдание и вместе побуждение рассказать о пережитом каждым по-своему.

Сергей Булгаков (1923 г.)

В Боровом

Начавшаяся война СССР с Германией резко изменила весь уклад жизни В. И. Вернадского, его родных и близких, коллег и учеников. 16 июля 1941 г. вместе с семьей Вернадский выехал в Сибирь; 23 июля специальный поезд с эвакуированными академиками, членами-корреспондентами, сотрудниками Академии наук СССР, членами их семей и детьми академических служащих прибыл на станцию «Курорт Боровое» (г. Щучинск). На следующий день на автобусах все были перевезены в санаторий Боровое, расположенный в Щучинском районе (в 25 км к северу от Щучинска) Акмолинской области на северной окраине Казахской ССР вблизи границы с Россией.

13 сентября 1941 г. Вернадский записал в дневнике: «После 1-го сентября 1939 года прошло больше 22-х месяцев, и эта война длится, и многие не видят ей конца, — захватила и нашу страну. Благодаря ей я пишу эти строки в курорте Боровом в Казахстане, где никогда не думал быть, не думал, что в мои годы окажусь в тысячах километров от Москвы со своей семьей»¹.

Курорт Боровое, находился на территории заповедника «Боровое» и представлял комплекс санаторных учреждений, предназначенных главным образом для лечения больных туберкулезом, часть помещений которого была отдана в распоряжение эвакуированных ученых и их семей.

¹ Новый мир. 1995. № 5. С. 209.

Неизгладимое впечатление оставляла природа Борового, названного еще в начале XX в. сибирской Швейцарией. Это удивительный лесной оазис, расположенный на Кокчетавской возвышенности на высоте около 500 м в сосновом бору, как будто чудом сохранившийся среди безбрежного моря целинных степей Казахстана. Благословенный край тишины, кристально чистого воздуха, синих гор, изумрудных озер, привольных лесных угодий, с сухим здоровым климатом: умеренно холодной зимой и теплым, временами жарким летом. Невозможно было не поддаться очарованию этого края ².

Долгое время, до конца 30-х гг., в заповеднике «Боровое» трудился ученик и друг Вернадского, сибирский натуралист и поэт П. Л. Драверт. В 1938 г. в стихотворении, посвященном дочери лесничего заповедника Кларе, он описывал природу Борового:

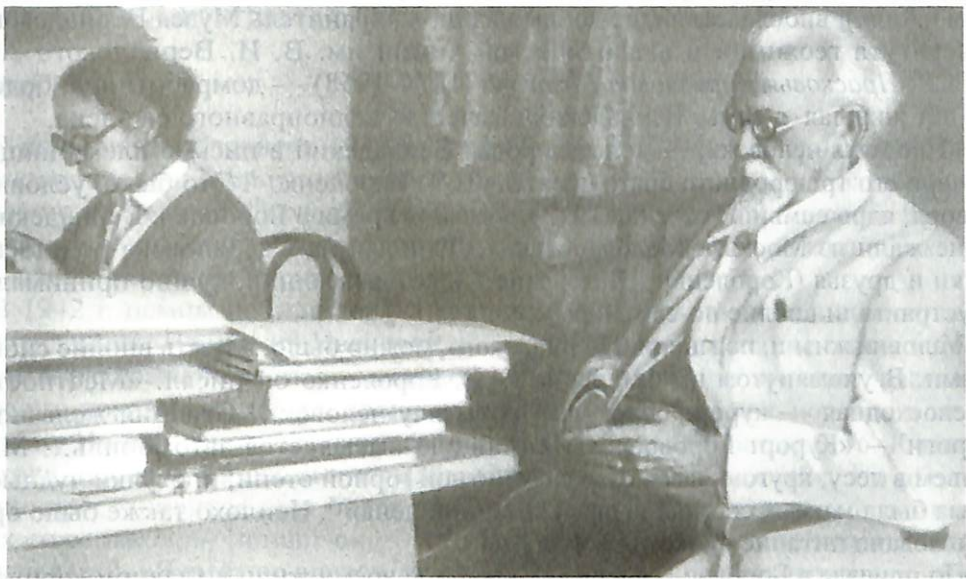
В степях Акмолинских, томительно ровных,
Встает, как нежданный мираж,
Венчанный зубцами утесов огромных
От севера к югу протянутый кряж.
В подножьи его голубые озера
В себе отразили пучины небес,
И дышит смолою отрадный для взора
По скатам и долам разросшийся лес...
Где летом кремь загорает от жара,
Где выюга зимой замедает свой след,
Живет грациозная девушка Клара
В расцвете недолгих семнадцати лет.
<...>Пускай утону я в снегах Борового
Иль в знойном июле растаю, как лед,
Но, право, мне края не надо иного,
Пока здесь хозяйка такая живет.
А если судьба в невеселую Тару
Иль в дальний Березов направит мой бег,
Я буду там помнить чудесную Клару
Под небом холодным у северных рек.

(Драверт Петр. *Незакатное вижу я Солнце.*

Новосибирск, 1979. С. 147, 151).

В Боровом Вернадский сдружился с М. Ф. Андреевой, вдовой М. Горького, также находившейся здесь в эвакуации. В одном из писем летом 1942 г. в Москву, делаясь своими впечатлениями, она писала: «Казахстан — изумительное явление! Природа здесь удивительная. Правда, с очень резкими колебаниями. Солнце сейчас печет по-африкански, сразу зацвели все цветы,

² Носов Д. С. Жемчужины Казахстана. Алма-Ата, 1971. С. 8; Полубаринова-Кочина П. Я. Воспоминания. М., 1974. С. 122, 127; Фаворская Т. А. Алексей Евграфович Фаворский. М., 1980. С. 99–110.

В. И. Вернадский и А. Д. Шаховская за работой. Боровое.

а в низинах еще кое-где дотаивает в лед обратившийся снег и болота не просыхают. Комаров и всякого иного гнуса — тучи, ребята, особенно малыши, ходят опухшие и все в пятнах от их укусов. Иной раз идет навстречу тебе допотопная арба со впряженными в нее малорослыми быками и будто из дерева выточенный, коричневый от загара казах, живой экспонат московского этнографического музея народов СССР. Но встречаешь иной раз интеллигентного казаха, и так радостно, интересно и волнующе проходят эти встречи»³.

Как и другие ученые, в Боровое Владимир Иванович приехал вместе с семьей. Это были: жена *Наталья Егоровна Вернадская (Старицкая)* (1860–1943), как и ранее в Москве, оказывавшая мужу посильную помощь в работе, главным образом над семейной летописью — «Хронологией»; *Екатерина Владимировна Ильинская* (1882–1962) — родная сестра жены сына В. И. и Н. Е. Вернадских Георгия, жившего в США (баптистка, за свои религиозные убеждения в 1931 г. была сослана на три года в Сибирь), проживала в семье Вернадских; *Анна Дмитриевна Шаховская* (1889–1959) — дочь покойного друга Вернадского князя Д. И. Шаховского, убитого в годы сталинского террора, окончила Высшие женские курсы В. И. Герье; в 1918–1922 гг. заведовала музеем в Дмитрове, была секретарем П. А. Кропоткина в последний период его жизни, в 1921 г. арестована, содержалась в Бутырской тюрьме; в 20–30-е гг. жила литературным трудом, в 1937 г. после ареста личного секретаря Вернадского З. М. Супруновой заняла ее место; в Боровом стала главной помощницей Вер-

³ *Андреева М. Ф.* Письмо С. М. Файланду 6 июня 1942 г. / *Андреева Мария Федоровна.* Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1968. С. 437–438.

надского в его научной работе (в дневнике Вернадского фигурирует под именем «Аня»); впоследствии, до конца жизни, — хранитель Музея Вернадского Института геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского АН СССР; *Прасковья Кирилловна Казакова* (1874–1958) — домработница, более 30 лет жившая в семье Вернадских в качестве полноправного ее члена.

«Нас пять человек», — констатировал Вернадский в письме племяннице, дочери его троюродного брата писателя В. Г. Короленко ⁴. Это было, условно говоря, ядро семьи. В течение 1942 г. в разное время в Боровое к Вернадским приезжали из Москвы, Малоярославца, Ленинграда, Свердловска родственники и друзья (Короленки, Шаховские...), которых они радушно принимали и устраивали вполне по-семейному.

Условия жизни, по мнению Вернадского, можно было считать вполне сносными. В упомянутом выше письме С. В. Короленко он писал: «Местность превосходная — курорт более чем на тысячу человек... Станция железной дороги — «Курорт Боровое»... На станцию высылаются автомобили... Мы живем в лесу; кругом масса озер в гранитной горной степи; прогулки чудные. Зима была мягкая, сегодня первый весенний день» ⁵. Неплохо также было организовано питание в столовой курорта.

По приезде в Боровое Вернадские короткое время жили в главном корпусе курорта, а затем переместились в отдельный домик, в котором провели весь 1942 г. В конце его состоялся переезд в новое, более удобное по местоположению помещение.

Осенью Вернадский писал управляющему делами Академии наук: «Я считаю, что, учитывая обстоятельства войны, наше положение здесь исключительно хорошее. Ведь все жалобы, которые здесь приходится слышать, мне представляются в условиях войны невозможными требованиями» ⁶.

Природа и климат Борового, прогулки на свежем воздухе, отлаженный за некоторыми исключениями (перебои со снабжением теплом и электричеством) быт — все это благотворно отразилось на общем самочувствии Вернадского, чему также способствовал систематический врачебный надзор, хотя старение организма, понятно, и давало о себе знать временами весьма ощутимо... Поддерживая свою работоспособность на должном уровне, Вернадский трудился все дни кроме воскресений, выдерживая обычный распорядок, принятый в академических учреждениях.

Однако не все так гладко обстояло со снабжением канцелярскими принадлежностями, в особенности бумагой. От ее хронической нехватки в 1942 году страдали буквально все ученые, проживавшие в Боровом. Друг Вернадского, приехавший в Боровое, ленинградский ученый-востоковед, в письмах жаловался: «Весь мой план на этот год я выполняю, если будет бумага. Иначе

⁴ Вернадский В. И. Письмо С. В. Короленко 10 апреля 1942 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 52. Л. 319.

⁵ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 52. Л. 319.

⁶ Вернадский В. И. Письмо И. В. Зубову 22 сентября 1942 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 52. Л. 324.

forse majор и вообще неизвестно что делать». «Соображение о количестве оставленной <в Ленинграде> бумаги гудит во мне набатом»⁷.

Война

В дневниковых записях 1942 г., которые, как и в 1941 г., Вернадский вел с исключительной систематичностью, он часто обращается к положению на фронтах Великой Отечественной войны⁸. Успех контрнаступления Красной Армии под Москвой окрылил его, но он не стал «началом конца Гитлера», на что надеялся Вернадский.

В 1942 г. немцы добились ряда крупных успехов на южном и восточном направлениях. Владимир Иванович напряженно следит за событиями, с досадой и раздражением отмечая скудость поступающей информации, рассказывает о некоторых слухах, проникающих в тыловые районы, Боровое в том числе... Но оптимистическая уверенность в победе не покидает его. К концу года, особенно в связи с началом Сталинградского сражения, эта убежденность становится еще более глубокой. «Варварское нашествие немцев и их союзников, — пишет он, — не может иметь опоры в реальности. Они обречены»⁹. «Я смотрю вперед, не сомневаясь в изгнании гитлеровских вандалов»¹⁰.

Вернадского, как и других обитателей Борового, также непосредственно затронули связанные с войной человеческие трагедии. На фронте, в московском и ленинградском ополчениях, в тылу погибли его родственники, коллеги и ученики. О преждевременной смерти некоторых дорогих ему людей Владимир Иванович так никогда и не узнал...

В мирное предвоенное время многие из близких Вернадскому людей зримо испытывали на себе его заботу, помощь и поддержку, как материальную, так и моральную. В 1942 г. из своей академической зарплаты Владимир Иванович выделяет некоторые суммы, которые переводит Е. Г. Ольденбург — вдове своего давнего друга С. Ф. Ольденбурга; Б. Л. Личкову, с которым его связывали многолетние дружеские отношения; П. Л. Драверту; родственникам Д. И. Шаховского и В. Г. Короленко...

Он хлопочет о присуждении Б. Л. Личкову степени доктора наук без защиты диссертации, по совокупности научных публикаций, и в конечном счете добивается этого, хотя и не без труда и волнений; пытается добиться освобождения от призыва в действующую армию своего еще совсем молодого и подающего большие надежды талантливого ученика К. П. Фло-

⁷ Алексеев В. М. Письма И. Ю. Крачковскому 15 и 19 марта 1942 г. // Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 53.

⁸ Вернадский В. И. Из дневника 1942 года // Родина. 2000. №12. С. 12–15; Источник. 2000. №3. С. 67–92.

⁹ Вернадский В. И. Письмо З. М. Константинович 13 ноября 1942 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 54. Л. 25.

¹⁰ Вернадский В. И. Письмо И. И. Канаеву 24 ноября 1942 г. // Архив РАН. Р. V. Оп. 1-В. Ед. хр. 57. Л. 4.

*Портрет В. И. Вернадского
работы Е. С. Зерновой.
Боровое, 1943 г.*

*Хранится в Кабинете-музее
В. И. Вернадского, Москва*

ренского; пытается вернуть из магаданской ссылки высоко ценимого им крупного ученого А. К. Болдырева; но, к сожалению, в обоих случаях терпит неудачу.

Весной по просьбе дочерей своего троюродного брата С. В. Короленко и Н. В. Короленко-Ляхович Владимир Иванович устроил в детский санаторий Борового трехлетнюю Наташу («Тусю») Короленко, правнучку Владимира Галактионовича. К маленькой Тусе он очень привязался и был счастлив, что в трудный момент может оказать столь дорогой ему семье Короленко эту скромную помощь. «Очень была рада получить Ваше общее письмо и прямо счастлива, что девочка Вам обоим чем-то напоминает папу, — писала Софья Владимировна Вернадским. — Мысль, что девочка в таких чудесных условиях, а не в нужде, очень меня поддерживает»¹¹. Спустя некоторое время она писала Наталье Егоровне: «Я Вас и

Владимира Ивановича чувствую как самых близких, родных, — мы с Натальей Владимировной и девочкой были совсем в трудном, тяжелом положении, и в этот момент Ваша доброта и отзывчивость пришли нам на помощь»¹².

Академическая группа

В середине 1941 г. в Боровом была организована Академическая группа, своего рода «Малая академия», в которой были представлены, как и в «Большой академии», ученые практически всех основных специальностей. В ее создании Вернадский принял непосредственное участие, но войти в ее руководство отказался.

Группа созывала общие собрания ученых; по несколько человек ученые одной специальности собирались также на свои собрания в узком кругу. Кроме того, в читальном зале местной библиотеки организовывались лекции и доклады ученых на свободно избранные темы; послушать их приходили не только коллеги выступавших, но и члены их семей, местные жители, включая школьников.

¹¹ Короленко С. В. Письмо В. И. и Н. Е. Вернадским 11 июля 1942 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 52. Л. 317.

¹² Короленко С. В. Письмо Н. Е. Вернадской 16 октября 1942 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 52. Л. 313.

Естественно, что представители наук о Земле — геологи и географы, а также биологи (среди них были крупные ученые, как, например, В. Н. Сукачев, Л. С. Берг и др.) — занялись изучением природы заповедника «Боровое». «Академики вместе с семьями собралось около 150 человек. Каждый из ученых продолжал работать и старался найти темы, связанные с местом своего временного пребывания и полезные для процветания курорта Боровое... В. И. Вернадский предлагал изучить минералы Борового»¹³. «Под руководством Вернадского сотрудник Радиевого института Академии наук СССР Комлев вел изучение радиоактивности вод Борового — курорта и заповедника»¹⁴.

На сравнительно небольшом пятачке под названием «Курорт Боровое» собрались ученые разных характеров, склонностей и привычек — все, как правило, достаточно преклонного возраста. О своем отношении к некоторым из них откровенно писала М. Ф. Андреева в упоминавшемся выше письме Файланду: «Жаль, что Вы не можете видеть некоторых здешних хороших стариков — например, Вернадского, Фаворского, Мандельштама. Как это ни странно Вам может показаться — мне очень нравится Л. С. Берг, интереснейший экземпляр, я Вам скажу. И не могу того же сказать о Н. Д. Зелинском, так он опустил и погряз в обывательской тине»¹⁵.

Р. Л. Берг, дочь Л. С. Берга, жившая с отцом в Боровом, сделала интересную попытку произвести на основе личных наблюдений своего рода микростратификацию академической группы курорта. Вот какая картина у нее в итоге получилась.

Я делила академиков, живших в пансионате, на пять категорий согласно их жизненной позиции. Из нее я выводила их философию.

Категория первая. Вернадский, физик Мандельштам. Люди прекрасны, улучшать их не нужно. Не служить людям, а оказывать помощь, когда в ней нужда, и тому, у кого нужда.

Категория вторая. Мой отец, Зернов. Мир и люди прекрасны, а если что плохо, можно и нужно исправить. Служение добру и есть противодействие злу, предотвращение зла.

Третья. Их много. Зелинский, Фаворский, Крылов, Шмальгаузен, Бернштейн. Они не заблуждались относительно человеческой природы — какова есть, такова и есть. Исправлению не подлежит. Они вне игры. В борьбе за жизненные блага и за высокий пост в крысиной иерархии пансионата они не участвовали, отгороженные творчеством от повседневной жизни.

Категория четвертая. Божьи коровки. Борис Михайлович Ляпунов — славист, родственник Филатова, историк Тюменев. Они ничего

¹³ Полубаринова-Кочина П. Я. Воспоминания. М., 1974. С. 129.

¹⁴ Докладная записка Председателя распорядительного Бюро академического коллектива в Боровом о работах, произведенных в области изучения производительных сил Казахстана. 12 февраля 1943 г. // Центральный Гос. Архив Казахстана. Ф. 1137. Оп. 8. Ед. хр. 554. Л. 85.; см. также: Комлев Л. В. К вопросу о радиоактивности курорта Боровое (Северный Казахстан). Без даты. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 5. Л. 65.

¹⁵ Андреева М. Ф. Письмо С. М. Файланду 8 июня 1942 г. // Указ. соч. С. 437.

для себя не требовали, всем были довольны, за все благодарны. Они не только вне игры. Вне оценок.

Категория пятая — рвачи. Рвач-солипсист — таких среди академиков и их жен было превеликое множество... Из Алма-Аты прислали академикам яблок. Целый самолет. Рядом с пансионатом находился детский дом. Он принадлежал Академии... В детском доме жили эвакуированные без родителей дети служащих. Член Комитета по распределению жизненных благ, мой отец, распорядился, чтобы яблоки (великолепный алма-атинский «апорт») были отданы детям. Я своими ушами слышала, как Лина Соломоновна Штерн — единственная женщина-академик — говорила, протестуя против этого решения: «Мы бриллиантовый фонд страны, а из них еще неизвестно, что получится...». В Казахстан во время войны она приехала с фантастической горой огромных элегантных чемоданов. Я видела. Зрелище ее богатств на перроне в Щучинске перехлестывало в фарс»¹⁶.

При всей естественной субъективности «классификации» Р. Л. Берг в ней содержится нечто, подмеченное верно. Например, Вернадский, согласись он в какой-то мере с Берг, кроме бесспорно одаренной, если не сказать талантливой, Л. С. Штерн (ее избрание в 1939 г. в АН СССР он решительно поддерживал), устраивавшей (по его дневниковым записям 1941 г.) неприличные скандалы при размещении академиков на жительство в Боровом, вероятно, отнес бы с той или иной степенью категоричности к «рвачам» также академиков Н. Ф. Гамалея, Б. А. Келлера... Что же касается самого Вернадского и его друга Л. И. Мандельштама, то безоговорочное отнесение их только к разряду односторонних идеалистов вряд ли справедливо; в их нравственном облике обнаруживаются черты и второй, и третьей категорий.

В 1942 г., можно сказать, окончательно сложился относительно небольшой круг общения Вернадского в Боровом, включавший в себя людей, наиболее ему близких.

Помимо членов семьи, в него входили крупнейшие ученые страны: географ и биолог Л. С. Берг, физик Л. И. Мандельштам, химик Н. Д. Зелинский, математик С. Н. Бернштейн, биолог И. И. Шмальгаузен, славист Б. Л. Ляпунов, экономист П. П. Маслов, востоковеды В. М. Алексеев и Ф. И. Щербатской... Отношения, которые сложились с ними у Вернадского, можно охарактеризовать как дружеские, сердечные... Они строились на прочной нравственной основе взаимного доверия и уважения, общности духовных интересов — научных и философских, исторических и социальных. О характере бесед Владимира Ивановича во время встреч с ними можно отчасти судить по дневниковым записям этого года.

Кроме уже упоминавшейся М. Ф. Андреевой, дружеские отношения сложились у Вернадского с Р. Л. Берг и Л. Б. Северцовой, вдовой академика А. Н. Северцова; Берг и Северцова оказывали ему техническую помощь в научной работе.

¹⁶ Берг Раиса. Суховой. Воспоминания генетика. Нью-Йорк. 1983, С. 66–67.

Переписка

Сложившийся в Боровом круг непосредственного личного общения Вернадского естественно и органично дополнялся общением опосредованным — перепиской.

В характере Владимира Ивановича еще с юношеских лет практически полностью отсутствовал довольно распространенный у многих изъян — лень писать письма. Его эпистолярное наследие включает тысячи (возможно, — десятки тысяч) писем (имея в виду письма как от него, так и к нему), многие из которых еще даже не прочитаны исследователями.

По интенсивности переписки этот год не был исключением из выработанного десятилетиями правила. Он также очень насыщен в этом отношении, хотя условия военного времени, естественно, создавали здесь определенные технические трудности. Если прикинуть на глазок, то количество писем, отправленных и полученных Вернадским в 1942 г., колеблется, по-видимому, где-то в пределах от 600 до 700.

Его корреспондентами были проживавшие в США родные (сын, дочь, невестка, зять, внучка); родственники (Алексеевы, Короленки); друзья (в том числе по студенческому Братству) и знакомые, связанные с ними дружественными узами (Шаховские, Ольденбурги, Гревсы, Петрункевичи...); ученики и коллеги (К. П. Флоренский, Б. Л. Личков, А. Е. Ферсман, В. Г. Хлопин, А. П. Виноградов, Е. Л. Кринов, П. Л. Драверт и многие другие); ученые — знакомые и друзья — самых различных специальностей; наконец, лица, занимавшие те или иные административные посты в государственных, научных и учебных организациях.

Как и ранее, в письмах 42-го года Владимир Иванович обсуждает со своими корреспондентами — помимо текущих деловых вопросов — проблемы научные и философские. Переписка является для него своеобразной отдушиной, помогающей хотя бы отчасти компенсировать пусть и временную, но все же достаточно ощутимую оторванность от непосредственного общения с коллегами, учениками, близкими по духу людьми.

Научная школа к началу 40-х гг.

К этому времени научная школа Вернадского предстает в виде могучего, полного жизненных соков ветвистого дерева, которое непрерывно растет и плодоносит.

Несколько сот учеников и последователей, разбросанных по самым различным районам страны — от западных областей СССР до Урала и Сибири; мощные центры научной исследовательской работы, сосредоточенные прежде всего в Москве, Ленинграде и Киеве; самостоятельные научные направления, основоположниками которых являлись такие выдающиеся ученики Владимира Ивановича, как А. Е. Ферсман (минералогия и геохимия), В. Г. Хлопин (радиология и радиогеология), А. П. Виноградов (биогеохимия и аналитическая химия). (В ближайшем будущем двое последних стали участниками советского Атомного проекта.)

Наряду с расширяющейся постановкой фундаментальных естественно-научных и философских проблем продолжался все более интенсивный выход «школы академика В. И. Вернадского» в практику, продолжалось фронтальное обращение по существу всех ее звеньев без исключения к потребностям и нуждам промышленности и сельского хозяйства, здравоохранения и экологии...

Понятно, что такая научная школа никак не могла остаться в стороне от потребностей родной страны, оказавшейся в смертельной опасности.

Вскоре после начала войны научная школа Вернадского и ее лидер оказались территориально разобщенными. Два основных научных учреждения, в которых работали ученики и сотрудники Вернадского, — Биогеохимическая лаборатория и Радиевый институт, — были эвакуированы в Казань, а сам он оказался в Боровом. Попытки Вернадского переехать из Борового в Казань успехом не увенчались: Президент и вице-президент Академии наук отсоветовали ему это делать по вполне понятным причинам (возраст, здоровье, неважные условия жизни военного времени). Владимир Иванович послушался и от переезда в Казань отказался, тем более что его научная школа и без его прямого участия на нужды обороны работала достаточно интенсивно, а сам он был в курсе проводившихся его учениками и сотрудниками оборонных исследований.

Так, геолого-географическим обслуживанием Красной Армии руководила созданная при Отделении геолого-географических наук АН СССР специальная Комиссия, председателем которой был ученик Вернадского академик А. Е. Ферсман. В составе Комиссии работало около 150 научных сотрудников основного состава, не считая вспомогательного и технического персонала. Другой ученик Вернадского, директор Радиевого института академик В. Г. Хлопин, с коллегами принимали участие в работах Комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны и Комиссии по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья. В составе этих комиссий трудились несколько сот человек. Все они выполняли ответственные задания Государственного комитета Обороны, Госплана и отдельных наркоматов. Аналогичные задачи решала и Биогеохимическая лаборатория, фактически в это время возглавлявшаяся учеником Вернадского А. П. Виноградовым (находясь в Боровом, Вернадский оставался ее директором).

Взрыв творчества

Работы самого Вернадского, естественно, не имели и не могли иметь столь же непосредственно прикладного оборонного характера, как работы его учеников и сотрудников, трудившихся, кстати, не только в Казани, но и в других городах страны (Москва, Свердловск и др.). (Хотя в Президиуме АН СССР отмечалось также и оборонное значение трудов Вернадского периода его пребывания в Боровом.) Объяснялось это двумя главными причинами.

Во-первых, как и ранее, мысль Вернадского продолжали занимать *фундаментальные проблемы* естествознания, тесно соприкасавшиеся с общими вопросами мироздания, современной *научной картиной мира* и в ряде случаев

пересекавшиеся с гуманитарными науками (учение о биосфере и ноосфере, симметрии и диссимметрии и состояниях пространства и др.). Во-вторых, — и это, пожалуй, наиболее ярко и глубоко начало проявляться именно в 1942 г., — в Боровом Вернадский, попав в условия относительного уединения, все больше обращается к самому себе, а также к жизни и истории своей семьи и своего рода, что нашло отражение прежде всего в «Дневнике» и «Хронологии» этого времени, в очерках отчасти мемуарного характера, а также в переписке.

Можно смело утверждать, что в этих аспектах своего творчества Вернадский переживает в это время подлинный взрыв. («Взрыв творчества» — словосочетание, введенное в обиход самим Вернадским еще в 20-е гг., хотя до настоящего времени пока не получившее широкого распространения.) Судите сами — в 1942 году Вернадский завершает:

— статью-доклад «О геологических оболочках Земли как планеты», опубликована в том же году;

— статью (точнее, брошюру) «О геологическом значении симметрии» (окончательное измененное и расширенное название ее: «О состояниях пространства в геологических явлениях Земли как планеты. На фоне роста науки XX столетия»), впервые опубликована в 1980 г.;

— статью «Памяти профессора Петра Андреевича Земятченского», опубликована в 1943 г.;

— очерк «Памяти Елизаветы Дмитриевны Ревуцкой», не был опубликован, а рукопись его пока не обнаружена;

— статью «Мысли натуралиста об организации славянской научной работы на фоне мировой науки», опубликована в 2001 г.;

— «Записку об организации научной работы», в полном виде впервые опубликована в 1988 г.;

— работает над автобиографическими очерками: «Из воспоминаний. Первый год Украинской академии наук», опубликован со значительными купюрами в 1988 г.; очерк «Главнейшие биографические даты», не публиковался.

Этот всплеск творческой продуктивности тем более удивителен, что внешние обстоятельства жизни в Боровом ему отнюдь не благоприятствовали. Вернадскому посчастливилось вывезти из Москвы значительную часть своего архива, — но этого было явно недостаточно. Работать приходилось вдали от библиотек, недоставало справочной литературы, оставшихся в Москве картотек и книг... Но Владимир Иванович не жалуется, в письмах он упоминает об этом мимоходом, мирясь с трудностями, понимая, что они временны и что с ними сталкиваются и его коллеги по Академической группе. «...Перевозу очень усердно, — писал Алексеев в Ленинград Крачковскому, — но до непозволительности медленно (без комментария, для которого нет книг)». «Пишу здесь свои бесконечные переводы. Не имея возможности ни о чем справиться: у меня с собою только одна книга + словарь!». «Бескнижье вообще удручает до сумасшествия (что я и предвидел в моих предотъездных мучениях)»¹⁷.

¹⁷ Алексеев В. М. Письма И. Ю. Крачковскому 11 января, 15 и 19 марта 1942 г. // Алексеев В. М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982. С. 53.

Книга жизни

Но не только обширностью и разнообразием научных работ, начинаний и замыслов знаменателен 1942 год в жизни Вернадского. Не в меньшей степени он примечателен и тем, что именно в этом году ученый перешел «экватор» на пути к завершению своего главного труда, подводившего итог многолетнему творческому пути — своего «завещания потомкам», «книги жизни», как он ее называл. Это — монография «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», работа над которой, как отмечал сам Вернадский, была начата в 1940 г. и продолжалась в Москве и в подмосковном академическом санатории Узкое, а затем в Боровом (а после возвращения из эвакуации — снова в Москве и Узком).

В своей книге автор обращается к великому множеству проблем, одно только перечисление которых заняло бы не одну страницу. Отмечу только, что, при всей своей конкретности, это зачастую такие проблемы, которые находятся на грани естествознания, общей картины мира, философии... Некоторые из них Вернадскому, возвращавшемуся к ранним своим работам, приходилось переосмысливать, дополнять и уточнять. Такова была, например, проблема диссимметрии в разных ее аспектах.

В это время Вернадский писал, в частности, относительно этой проблемы: «Прежде чем идти дальше, я хочу еще раз остановиться на диссимметрии, которая характеризует биосферу. В 1931 г. я коснулся этого вопроса в аспекте проблемы начала жизни на нашей планете <в статье «Об условиях появления жизни на Земле»>. С тех пор прошло много лет, и в непрерывном размышлении и научной обработке проблем биогеохимии я могу к ней отнестись в 1942 г. более критически, чем я мог это сделать в 1931 г.»¹⁸.

О работе над своей итоговой книгой Вернадский писал из Борового много раз родственникам и друзьям, ученикам и коллегам, и просто знакомым, встречая с их стороны заинтересованное и доброжелательное отношение. Оно, очевидно, для него было важно психологически и морально. «Хотелось бы ее сделать так, чтобы ее мог прочитать каждый образованный человек»¹⁹. «Для меня это жизненный отчет перед потомством в моем научном пути»²⁰.

Друг Вернадского историк А. И. Яковлев так отзывался на одно из его писем: «Очень радуюсь тому, что Ваша жизненная философская работа подходит к концу... Желая Вам скорее довести Ваше исследование до печатного станка, — его ждем не одни мы — русские, а ученые разных стран, следящие внимательно за всяким Вашим трудом»²¹.

¹⁸ Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 2001. С. 220.

¹⁹ Вернадский В. И. Письмо А. И. Яковлеву 15 декабря 1941 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 1916. Л. 12.

²⁰ Вернадский В. И. Письмо Н. Д. Шаховской-Шик 8 февраля 1942 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. Ед. хр. 1833. Л. 5.

²¹ Яковлев А. И. Письмо В. И. Вернадскому 1 октября 1942 г. // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 2. Ед. хр. 53. Л. 307.